

Потерянные поколения

*Н. В. Клягин (Институт философии РАН)**

Lost generations

N. V. Klyagin (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

Аннотация: История человечества состояла из эпох биологической неотении (и психологической зрелости) и акселерации (психологической инфантильности). Современная акселерация началась на Западе в 1760 г. – поэтому психологически инфантильные участники 1-й Мировой войны стали психологически «потерянным поколением». Акселерация в СССР началась в 1960 г. – поэтому «потерянными поколениями» стали участники афганской и чеченских войн.

Ключевые слова: акселерация, ветераны, исторический процесс, культурные эпохи, неотения, посттравматический синдром.

Abstract: The history of humankind has consisted of the epochs of biological neoteny (and psychological maturity) and acceleration (psychological infantility). Modern acceleration began in the West in 1760 – that is why psychologically infantile participants in World War One were a psychologically «lost generation». In the USSR acceleration began in 1960 – that is why the «lost generation» consisted of participants in the Afghan and Chechen wars.

Key words: acceleration, veterans, historical process, cultural epochs, neotenia, posttraumatic disorder.

Меткий термин «потерянное поколение» родился у американской писательницы Гертруды Стайн (1874–1946), когда молодой французский автомеханик, фронтовик 1-й Мировой войны (1914–1918), не сумел починить ее автомобиль «форд» [17, с. 148]. Ее соотечественник, писатель Эрнест Хемингуэй (1899–1961), тоже фронтовик, применил ее высказывание «все вы – потерянное поколение» в качестве эпиграфа для своего романа «Фиеста. (И восходит солнце)» [16, с. 25] как обозначение молодежи, прошедшей войну и растерявшейся в гражданской жизни, погрузившись в безалаберность и бесцельное существование. Подобная судьба западной молодежи вызывает удивление, поскольку не менее пострадавшие российские фронтовики не только не потерялись в жизни, но энергично устроили у себя на родине революцию 1917 г., кровопролитную гражданскую войну (1918–1920 гг.) и последовавший реконструктивный период. Может быть, здесь мы имеем дело с «загадочной русской душой» и особым «русским путем» в истории? Однако эти термины описательны, и их природа не ясна. На наш взгляд,

* Клягин Николай Васильевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Тел.: (495) 339-04-67.

проблема проясняется при учете того малоизученного обстоятельства, что человеческая история состояла из чередования эпох биологической неотении и акселерации, психологической состоятельности и незрелости. Разберем эту проблему детально.

Неотения и акселерация

Неотенией (от греч. νεότης «юность») называется эволюционное преобразование организма, в результате которого тормозится его индивидуальное развитие [2; 4, с. 17–19; 11, с. 89–93; 19; 22; 23, с. 13–44]. Напротив, под *акселерацией* (от латин. acceleratio «ускорение») подразумевается такое эволюционное преобразование организма, которое приводит к ускорению его индивидуального развития. Современный эпизод акселерации в истории человечества именуется «эпохальным сдвигом» в биологии человека. Для человеческой истории он оказался далеко не первым, о чем речь пойдет ниже. Происхождение эпизодов неотении и акселерации в нашей истории видится таким.

Для геолого-климатической истории Земли характерно чередование оледенений и межледниковий. Во время оледенений глобальный климат становится прохладным и сухим, что не способствует процветанию растительного покрова, в результате чего растительная и животная пища (растительные корма и животные – добыча хищников) становится относительно скудной и разреженной в пространстве. В это время животным эволюционно выгодно быть высокоподвижными, чтобы собирать пищу с обширных территорий, хотя мобильность (высокая подвижность) сопряжена с большими энергозатратами на передвижение. Поэтому в холодные эпохи на планете господствовали подвижные животные: на суше – четвероногие.

Напротив, в периоды межледниковий планетарный климат делается умеренным и влажным, что благоприятно для процветания растений. Соответственно, растительная и животная пища становится богатой и скупивается в пространстве. Поэтому отпадает нужда в ее сборе с пространственных территорий, а потому энергетически обременительная мобильность оказывается излишней. В подобные благоприятные времена господство в биосфере переходит к маломобильным организмам, на суше – двуногим. Вдобавок в целях полной утилизации небогатой пищи «холодолюбивые» животные обзаводились дифференцированной зубной системой (разнозубостью резцов, клыков и коренных зубов), в то время как их «теплолюбивые» конкуренты обходились равнозубым зубным рядом (подобие всех зубов), расточительно потребляя изобильную пищу. Многочисленные факты из палеонтологической истории Земли подтверждают подобную модель эволюции [11, с. 54–81].

Так, например, во время пермо-карбонового, или гондванского, оледенения (310–260 млн. лет назад) на суше господствовали чрезвычайно прогрессивные четвероногие и разнозубые звероподобные рептилии, наши прямые предки. Однако с потеплением триасового периода (251–201 млн. лет назад) эти замечательные существа автоматически пришли в упадок, и сухопутное господство перешло к двуногим и равнозубым текодонтам и их потомкам, двуногим, равнозубым динозаврам, которые в эволюционной продвинутости уступали звероподобным рептилиям, но лучше них отвечали новой, благоприятной экологической обстановке. Когда на планете созрело похолодание юрского периода (201–144,2 млн. лет назад), вылившееся в юрское микрооледенение, наиболее примитивные (т. е. эволюционно перспективные) динозавры-прозауроподы, скверные двуногие ходоки, парадоксальным образом вернулись к древней четвероногости, дав самых крупных и процветающих наземных четвероногих животных в истории Земли, зауропод (диплодоков, бронтозавров, титанозавров и т. п.), ярко иллюстрирующих излагаемую направленность эволюции.

В меловом периоде (144,2–65 млн. лет назад) с его переменчивым климатом четвероногие динозавры сосуществовали с двуногими и как бы попеременно с ними процветали. Аналогичное положение вещей сложилось в морях, дойдя до абсурда. В соответствии с высокой биопродуктивностью теплой экосреды там господствовали тихоходные пловцы, головоногие моллюски аммониты со спиральной раковиной с отрицательными гидродинамическими показателями (которые при изобилии пищи были безразличны). Однако в периоды ухудшения климата аммониты пытались распрямить раковину, так как прямая раковина служила хорошим гидродинамическим обтекателем и повышала мобильность головоногих моллюсков. Из-за переменчивости среды процесс не завершался, и меловые моря наполнялись уродливыми созданиями с недораспрямленной раковиной.

Напротив, с середины мела среди рыбообразных животных произошла революция, отдавшая пальму первенства идеальным пловцам, костистым рыбам и акулам, которые, зародившись в эпоху позднеордовикского оледенения (458–438 млн. лет назад), выжидали своего эволюционного часа и с ухудшением климата пошли на подъем, продолжающийся по сей день. Аналогичным образом в середине мела состоялась флористическая революция, в ходе которой сушу заплонили цветковые растения, появившиеся еще в эпоху пермо-карбонового оледенения, тоже ждавшие своего эволюционного часа, наконец возобладавшие и процветающие поныне.

Похолодание эпохи палеоцена (65–55 млн. лет назад) поставило крест на эволюционной карьере прожорливых «теплолюбивых» динозавров,

которые угасли ок. 64,96 млн. лет назад [28; 29], значительно позже падения «иридиевого астероида» Чикхулуб 65 млн. лет назад, с которым неокатастрофисты ошибочно связывают мифический мор динозавров и прочей биосферы (напомним, что подвижные млекопитающие, птицы, костистые рыбы, акулы, цветковые растения и др. успешно пересекли мел-третичную границу 65 млн. лет назад, никак не отреагировав на падение астероида Чикхулуб).

В соответствии с описываемой схемой эволюции во время потепления эпохи эоцена (55–34 млн. лет назад) биосфера выдвинула двуногое млекопитающее *Leptictidium nasutum* («хоречек носатый», Германия, 50–48 млн. лет назад), отличающееся ходячей походкой динозавро-человеческого типа, экономящей энергию на передвижение (в противоположность прыгающей локомоции двуногих кенгуру, прыгунчиков, тушканчиков и т. п., чей способ передвижения быстр, но столь же энергетически невыгоден, как четвероногость). Затем похолодание эпохи олигоцена (34–24 млн. лет назад) оживило четвероногую биоту, породив самое крупное в истории четвероногое млекопитающее, безрогого носорога *индрикотерия зауральского*. Наконец, ранне-среднемиоценовое потепление (24–13 млн. лет назад) закономерно дало двуногую обезьяну *перелоапитека каталонского* (Испания, 13 млн. лет назад), отличавшуюся равнозубостью человеческого типа, а также относительной высоколобостью и плосколицестью, характерными для гоминин (людей и их двуногих предков).

Двуногость явилась не единственной эволюционной реакцией первых гоминин на потепление и подъем биопродуктивности экосреды. Поскольку экосреда обогатилась пищей, эволюционные преимущества принадлежали в ней не аскетичным четвероногим млекопитающим, а более прожорливым существам вроде двуногих динозавров. Поэтому первые гоминины перенесли «мутацию прожорливости» (пока не идентифицированную), которая позволила им потреблять примерно в 3,8 раза больше пищевой энергии на единицу веса, чем прочим высшим млекопитающим. В каждый конкретный момент времени кушать столь плотно было немыслимо, так как гоминины истощили бы свою кормовую базу. Поэтому их прожорливость, оставаясь в каждый конкретный момент типичной для высших млекопитающих, как бы растянулась во времени и сообщила гомининам продолжительность жизни, в 3,8 раза превосходящую продолжительность жизни равновеликих высших млекопитающих (например, близкий взрослому мужчине по весу самец леопарда даже в благоприятных условиях неволи живет максимум 21 год, что в пересчете на людей составляет ок. 80 лет, типичный возраст глубокой старости для среднего человека).

Все высшие млекопитающие потребляют на единицу веса в течение жизни одно и то же количество пищевой энергии, 191 600 ккал, в то время как у человека этот показатель (постоянная Рубнера) составляет 725 800 ккал [1, с. 73, 89; 26; 27], т. е. примерно в 3,8 раза больше. Пока человек или животное не израсходует положенную ему пожизненно постоянную Рубнера, он живет, а затем автоматически умирает. Поэтому человек живет в 3,8 раза дольше, чем равновеликие млекопитающие, и его онтогенез (индивидуальное развитие) в 3,8 раза растянут по сравнению с нормой для высшего млекопитающего (сообразно с массой последнего). По этой причине детство, взросление, мужание и старость растянуты у гоминин настолько, что они на всю жизнь сохраняют не только детские (инфантильные), но даже зародышевые (эмбриональные) особенности организации, как-то: обезволенное тело, вертикальное расположение большого затылочного отверстия, убористый лицевой скелет с крохотными челюстями, из-за чего купол черепа и мозг выглядят огромными. Все это в эмбриональном состоянии присуще и млекопитающим, однако после рождения они быстро развиваются, в частности, у них вырастает крупная морда, из-за чего купол черепа и мозг выглядят убого по сравнению с людьми, в то время как кортикальная (корковая) структура «мыслящей» коры головного мозга («новой коры». «неокортекса») у людей и высших млекопитающих идентична [18, с. 25]. У человека неокортекс намного превосходит таковой у млекопитающих не по организационной сложности, а по площади, однако по статистическим причинам эта «мыслящая площадь» используется всего на 4% [12, с. 117–119], что объясняет беспрецедентную живучесть человеческого мозга: так, в ряде случаев после тяжелых травм, ранений и инсультов функции головного мозга у людей восстанавливались, поскольку нарушенные функции путем волевых усилий и физических упражнений переходили к бездействующим областям коры, не затронутым травмой; сюда же относится недавний беспрецедентный случай с американцем, в висок которого строительным пистолетом был загнан гвоздь, но пострадавший не только не погиб, но остался в полном сознании (очевидно, инородное тело вошло в «спящую» часть височной доли мозга, как нередко случается у незадачливых самоубийц).

Что касается богатого внутреннего мира людей, то он обязан происхождением не каким-то «волшебным мутациям», изменившим нашу нейрофизиологическую организацию (часто встречающаяся беспочвенная надежда), а тому обстоятельству, что наша психика была запрограммирована 2,6 млн. лет развития технологии и 2,3 млн. лет развития культуры, что оторвало нас от животного мира, хотя по нейрофизиологическим задаткам мы, по-видимому, мало отличаемся от высших млекопитающих, что

объясняет феномен *homo ferus* («человек дикий»), или «Маугли», т. е. феномен детей, воспитанных животными (например, волками, медведями). Такие дети остаются четвероногими и неспособными к человеческой речи на всю жизнь. Дело в том, что человеческий мозг на 90% вырастает и структурируется за первые 5 лет жизни [4, 428], после чего привить ему навыки двуногости и членораздельной речи практически не удастся. Сам тот факт, что прямохождению и речи человеческих детей приходится учить, указывает на скромные стартовые возможности нашего мозга и на превалирующее значение воспитания в сложившейся культуре, что, в сущности, общеизвестно.

Таким образом, неотения сложилась в эволюции наших предков закономерно. То же самое можно сказать и об акселерации, правда по несколько иным причинам. Поступательная эволюция протекает у живых существ в крохотных популяциях, в условиях «изоляции меньшинства от большинства» [14, с. 93]. Причина этого обстоятельства такова. Мутации, в том числе перспективные, постоянно случаются во всякой популяции. Однако в крупных популяциях эти мутации (и позитивные, и негативные) тонут в море наличного генофонда, не имеют шанса перейти в гомозиготное («несмешанное») состояние у всей популяции и превратиться в ее видовой признак. По этой причине крупное человечество уже 84 тыс. лет (время последнего расообразовательного события: распада остатков материнской для нас популяции «Евы» на австралоидов и монголоидов) не меняется физически ни в худшую (вырождение), ни в лучшую (появление мифического «сверхчеловека») сторону. Соответственно, неотения как существенное эволюционное событие могла постигнуть наших предков лишь в маленькой популяции или в популяции на окраине ареала предкового для гоминин вида обезьян, где наши предки попадали как бы в половинчатую изоляцию («с одной, окраинной, стороны»). Этим критериям отвечала популяция «перелоапитека каталонского», располагавшаяся на северо-востоке Испании, вдали от африканской прародины.

Во время оледенения среднего миоцена (13–10 млн. лет назад) потомки «перелоапитека» мигрировали на юг, в Африку, – поэтому среди многочисленных африканских антропоидов до сих пор не найдено непосредственных предков гоминин: последние были в Африке пришельцами. На «черном континенте» гоминины продолжали эволюционировать, дав в конечном итоге наших прямых предков: «кениантропа плосколицего» (Кения, 3,5–3,2 млн. лет назад) и «кениантропа с озера Рудольфа» (Кения, Танзания, Эфиопия, Малави, 2,43–1,8 млн. лет назад). Ход их эволюции имел характер углубления неотенических признаков. Однако ок. 2,6 млн. лет назад, предположительно, «кениантроп с

озера Рудольфа» испытал демографический подъем и принялся расселяться со своей малой родины, обширного болота Лориан (lā «(проточное) болото» на его языке) в центральной Кении, к юго-востоку от озера Рудольфа, ныне Туркана. В этот период ход его эволюции изменился, и вот почему.

Если малочисленность какого-то биологического вида (изоляция или окраинное положение его популяции) способствует поступательной эволюции, то демографический подъем организмов должен тормозить их эволюцию и кое в чем поворачивать ее вспять. Проще сказать, эволюционное торможение индивидуального развития (неотения) у наших демографически разросшихся предков должно было смениться противоположным процессом: ускорением индивидуального развития, т. е. акселерацией. Признаем, эволюционно-генетический механизм этого явления еще малоизучен. Однако реальность его действия в нашей истории не вызывает сомнений.

Предки «кениантропа с озера Рудольфа» были некрупными существами типа «австралопитека африканского»: ок. 40 кг. веса и, вероятно, ок. 140 см. роста. «Кениантроп» же «с озера Рудольфа» достигал 51,3–54,3 кг массы [15, с. 160–161, табл. 6.1] и, по-видимому, ок. 150 см роста, как у «парантропов», что, по тогдашним меркам, для гоминин было более чем внушительно. Напрашивается естественный вывод, что под влиянием демографического взрыва «кениантроп с озера Рудольфа» испытал акселерацию и увеличился в размерах. В известном смысле он стал акселерированным вариантом «кениантропа плосколицего», подобно тому как акселерированными вариантами явились «парантроп эфиопский» и «парантроп бойсов» по отношению к «австралопитеку афарскому», а «парантроп массивный» – по отношению к «австралопитеку африканскому».

Акселерация вызывает скорое взросление и быстрое достижение больших, не неотенических (инфантильных) размеров тела. Кроме того, по данным о современных людях, у акселератов по сравнению с неотениками в среднем на 4,5 года раньше наступает половое созревание и заканчивается основное гормональное развитие организма [4, с. 390–391, 423–427]. Гормональное развитие организма сопровождается накоплением им яркого эмоционального жизненного опыта, формирующего основы человеческой психики на всю жизнь. Поскольку акселераты теряют 4,5 года накопления этого жизненного опыта по сравнению с неотениками, они становятся взрослыми (половозрелыми), обладая психическим развитием примерно 10-летнего неотеника. Иными словами, по меркам неотеников, взрослый акселерат представляет собой 10-летнего ребенка под маской взрослого человека. Его инфантильная (детская) психология коренным образом меняет его поведение сравнительно со взрослым неотеником. Вкратце различия можно охарактеризовать так.

Неотеник взрослеет долго, набирается обширного гормонального жизненного опыта, делается взвешенным, неавантюрным (мы говорим о средней личности). Напротив, акселерат, стремительно взрослея, с одной стороны, производит на окружающих впечатление вундеркинда (так называемого «ребенка индиго» по цвету своей мифической «ауры», подмеченной некими американскими умельцами, людьми глубоко инфантильными, см. далее). С другой стороны, аксерет, быстро взрослея, успевает набирать всего 60–74% жизненного опыта неотеника, а потому во взрослой жизни остается наполовину ребенком, не осознавая этого. Поэтому «дети индиго», блеснув в детстве, обычно разочаровывают окружающих в зрелости, так как их развитие обрывается слишком рано. В целом психологический портрет акселерата разительно отличается от портрета неотеника. Акселерат инфантильно наивен, в том числе наивно бессовестен («святая простота» наоборот), что создает ошибочное впечатление его «взрослой циничности». Акселерат по-детски авантюрен и незрел. Обобщая, заключим, что неотеник – это человек традиционного склада, а акселерат по духу – прирожденный революционер. Подчеркнем, что ни неотеники, ни акселераты не осознают своих психологических особенностей, полагают всех людей в истории психологически однотипными и изумляются историческим застоям (по вине неотеников) и революциям (по вине акселератов). Факты из человеческой истории подкрепляют сказанное. Рассмотрим их.

Культурные эпохи

Итак, «кениантроп с озера Рудольфа» претерпел ок. 2,6 млн. лет назад демографический взрыв и акселерацию, стал физически крупным и психологически незрелым. Как следствие, он не держался за традиции и в соответствии с демографо-технологической зависимостью легко совершил поначалу маловыгодную *олдовайскую технологическую революцию*. Дело в том, что первые коллективные орудия человечества были неэффективны, так как ориентировались на среднего носителя (поэтому их аналогов нет ни у одного другого животного – животные ограничиваются индивидуальными орудиями, хорошо отвечающими задаткам пользователя, а потому высокопроизводительными). Демографо-технологическая зависимость гласит, что между численностью производственного коллектива и степенью сложности его технологии существует общее количественное соответствие: чем крупнее популяция, тем сложнее ее индустрия, ее способ производства [10, с. 106]. Она зародилась у «кениантропа», чтобы ограничивать рост численности его населения, угрожающий его экологическому равновесию со средой. Непрерывный же рост численности населения у гоминин обусловлен их аномальной продолжительностью жизни, приводящей к скоплению в

популяциях наших предков представителей различных поколений. Этого нет у других животных, а потому у них нет коллективных орудий.

Подталкиваемый демографо-технологической зависимостью, психологически незрелый «кениантроп с озера Рудольфа» легкомысленно освоил обременительные средства коллективного производительного потребления (коллективные орудия) и открыл своим потомкам дверь в цивилизованное будущее. Его первые орудия археологической культуры *типичного олдовая* возрастом в 2,6 млн. лет назад открыты в эфиопском местонахождении Када Гона и ряде других мест. Во время теплого межледникового Бибера/Донау, 2,3–2,0 млн. лет назад, у «кениантропа» поднялась производительность труда и образовалось праздное время, несвойственное животным и разлагающее сообщества «кениантропа». Выжили лишь те из них, которые научились заполнять свободное время общением непроизводственного свойства. Сперва это был язык жестов, затем – звуковой язык, о реальности которого свидетельствуют развитые у него зоны Брока и Вернике в левом полушарии головного мозга, управляющие членораздельной речью. По современным оценкам, его язык, теоретически, мог состоять из 23 с лишним тыс. слов, однако сколько из них было освоено в реальности, пока неясно (не менее нескольких тыс.). Подобно современным австралийским аборигенам, любящим проводить праздное время в сплетнях и скандалах [3, с. 260], «кениантроп» заполнял свое время обыденными разговорами и спасал свою социальность. В этих разговорах шлифовалась грамматика и логика речи, что позволяет назвать достижение «кениантропа» «лингвистической культурной революцией», 1-й в истории. Отсюда происходит наша врожденная любовь поговорить о том о сем. У «кениантропа» аналогичной склонности еще не было. Поэтому на утомительные праздные разговоры он легкомысленно пошел из инфантильности акселерата.

Его преемник на генеалогическом древе гоминин, «человек-мастер», только появившись, испытал свой демографический взрыв, бросивший его из Африки в Евразию 1,835 млн. лет назад. Одновременно «человек-мастер» претерпел акселерацию, сообщившую ему феноменальный рост до 2 м, что делает этого гоминина (если он скрытно выжил где-нибудь в глуши) вероятным кандидатом на роль гипотетического «снежного человека», замеченного в горах Центральной Азии и лесах Северной Калифорнии. Демографо-технологическая зависимость толкнула его к *ашельской технологической революции* 1,55 млн. лет назад и ко 2-й «культурной революции нравственности» 1,5 млн. лет назад, выразившейся в развертывании альтруистического поведения у этого гоминина. Социальная природа такого достижения состояла в следующем.

Поведение высших животных складывается из эгоистической и альтруистической составляющих. Эгоистическое поведение замыкает особь на саму себя, а альтруистическое поведение обращает ее к окружающим. Когда «человеку-мастеру» понадобились новые способы социализации свободного времени, он с детским простодушием окунулся в альтруизм к себе подобным, чем заложил основы нравственного «человеческого облика» наших предков.

Затем долгое время численность населения у гоминин не испытывала взрывных перемен, и на смену могучему акселерату «человеку-мастеру» пришли физически скромные неотеники, «человек прямоходящий» (питекантроп), «гейдельбергский человек» и ранний «человек разумный». С ними не связано никаких технологических и культурных революций: они оставались консервативными хранителями традиций, заложенных акселерированными «кениантропом с озера Рудольфа» и «человеком-мастером».

Ситуация изменилась, когда ближневосточного «человека разумного» (протокроманьонца) постиг демографический взрыв 125–50 тыс. лет наза́т, приведший его в Европу 46 тыс. лет назад. В соответствии с демографо-технологической зависимостью протокроманьонец совершил 50 тыс. лет назад *ориньякскую технологическую революцию*. Одновременно произошла акселерация: ближневосточные протокроманьонцы и их потомки, западноевропейские кроманьонцы, были высокорослыми людьми (у последних – 185 см роста в среднем, если брать мужчин). Подъем производительности труда заставил кроманьонцев совершить 3-ю «культурную революцию святынь» (40,5–11,7 тыс. лет наза́д), которую в силу инфантилизма они осуществили парадоксальным образом: создали не менее 227 святынь с наскальной зооморфной иконографией (во Франции, Испании, Италии, 1 в России). Подчас святыни располагались в глубоких и сверхглубоких гротах (до 2 км протяженности), куда с трудом добираются спелеологи с современным снаряжением. Понять подобную религиозную деятельность, которая скорее затрудняла, чем облегчала доступ верующим к объектам культа, можно при учете инфантильного задора кроманьонцев, которые подобно детям создавали не то, что поцелесообразней, а то, что «поприкольней», впечатляет.

Можно добавить, что гоминины несапиентной линии развития не остались в стороне от сложного исторического процесса инициирования демографическими взрывами акселерации и технологических революций, а последними – прироста культуры. Финальный «гейдельбергский человек» предстал в Европе как отчасти сапиентный «прогрессивный неандерталец», от которого произошел гоминин нового несапиентного вида

«неандертальский человек» («классический неандерталец») [7; 8]. Это загадочное эволюционное событие, когда от прогрессивного вида («гейдельбергского человека» разновидности «прогрессивный неандерталец») происходит примитивный вид («классический неандерталец»), породило так называемую «неандертальскую проблему». В свете излагаемой концепции чередования в истории неотеничных («прогрессивных») и акселерированных (внешне «брутальных») форм гоминин происхождение питекоидных (обезьяноподобных) «классических неандертальцев» выглядит так.

Ок. 126 тыс. лет назад плотность населения «прогрессивных неандертальцев» в Европе возросла, о чем свидетельствуют их межобщинные конфликты, вылившиеся в известное «неандертальское людоедство» (каннибализм). Высокая плотность населения вызвала у этих существ акселерацию, породившую «классических неандертальцев» ок. 125 тыс. лет назад. Последние были на 30% крупнее (массивнее) нынешнего среднего человека [20, с. 125], что отражало ускорение их онтогенеза [21]. Это приводило к тому, что неандерталец приобретал питекоидные (акселерированные) черты еще в утробе матери [24]. Его зубные коронки формировались на 15% быстрее, чем у современного человека, а зрелость наступала в 15 лет [25, с. 937]. Из-за высокой плотности населения неандерталец уже 120 тыс. лет назад появился на Ближнем Востоке (пещера Табун в Израиле). В Европе же он совершил *перигордийскую технологическую революцию* (37,5–32,5 тыс. лет назад). Перигордийские орудия археологических культур перигор 0 и перигор I (шательперрон) изготавливались из пластин, технологически напоминали пластинчатые ориньякские орудия сапиенсов и породили предположение о технологическом влиянии последних на неандертальцев. В свете излагаемой концепции это предположение излишне. О культурной революции у неандертальцев сведений нет, так как 24 тыс. лет назад они были вытеснены сапиенсами с исторической сцены и не успели заявить о своей духовности (еще с межледникового Рисс/Вюрм, 144–110 тыс. лет назад, «классические неандертальцы» изготавливали нательные украшения и амулеты, покрывая их гравировкой, однако это достижение они унаследовали от «гейдельбергского человека»).

Утвердившиеся на планете сапиенсы без дальнейших потрясений перешли из своего революционного верхнего палеолита (ориньяка, граветта, солютре, мадлена и др.) в мезолит, который отличался от верхнего палеолита разве что утоньшением пластин, из которых теперь делали вкладыши для разяще-секущих инструментов (серпов, стрел и т. п.). Однако 16 тыс. лет назад на Ближнем Востоке состоялся очередной мезолитический

демографический взрыв, вслед за которым 12 тыс. лет назад последовала *неолитическая технологическая революция* и 11,7 тыс. лет назад – *урбанистическая революция* появления и активного роста ближневосточных городов. Акселерация состоялась тоже, однако на этот раз она пришла с запозданием: она отмечена в Северном Причерноморье у неолитических индоевропейцев археологической культуры Днепр-Донец, 7 980–7 180 лет назад [5, с. 121–125; 13, с. 45] и у западных семитов, которые превосходили ростом соседей, древних египтян [9, с. 146], и о которых сообщает Библия как о людях-исполинах времен Всемирного потопа, т. е. 2349 лет до н. э., или 4 299 лет назад (Бытие, 6, 4). Формирование городской цивилизации привело к выделению профессиональной правящей верхушки (правителей, жрецов), у которой сложилось индивидуальное самосознание. Распространившись в прочие слои общества, оно ознаменовало собой очередную 4-ю «культурную революцию самосознания», которую по первым письменным памятникам можно датировать временем перед датой 5 470 лет назад [10, с. 117]. Между тем, подлинный переворот в мировоззрении и сознании произошел всего ок. 2500 лет назад с появлением древнегреческой философии. Связь последнего события с акселерацией отсутствует – разве что заслуживает внимания то обстоятельство, что микенские греки времен Троянской войны (1193–1184 до н. э.) были могучими акселератами, прямыми потомками акселератов культуры Днепр-Донец (см. выше).

Наконец, современный демографический взрыв в Западной Европе (с 1096 г.) последовательно вызвал промышленную революцию (в Италии с XIV в.), эпоху Возрождения (в Италии с XIV в.), акселерацию (в Норвегии с 1760 г.) и 5-ю «революцию массовой культуры», а также научно-техническую революцию (с 1865 г. – публикация менделевских законов генетики). Данную культурную революцию без привлечения представлений об акселерации и инфантилизации западноевропейского населения понять непросто. Дело в том, что краеугольными камнями современной физики являются представления квантовой механики и теории относительности, а эти дисциплины постулируют неделимость вещества и энергии глубже Планковских пределов (постоянной Планка, планковской длины, массы, плотности в квантовой механике), а также пластичность пространства и времени (в общей теории относительности), что не могло уложиться и не укладывалось в головах традиционалистов-неотеников. Напротив, появившиеся инфантильные акселераты приняли указанные идеи на «ура», так как по интеллектуальной молодости лет не держались за ветхие традиционные представления.

Аналогичное положение вещей царит в современной художественной культуре. Кинематограф появился в 1895 г., а потому сразу попал в руки

западноевропейских и голливудских инфантильных акселератов, которые тут же принялись снимать на киноплёнку «отвязную», забавную чепуху, если отвлечься от творчества пережиточного неотеника, Чарльза Чаплина (1889–1977). Поэтому не стоит удивляться, что какие-нибудь средневековообразные «звездные войны» имеют успех у публики.

В России ситуация была иной. Акселерация в СССР началась в 1960 г., т. е. на 200 лет позже Запада. Поэтому инфантильные западные гости, попадая в нашу страну, дивились нашим неотеничным, недетским духовным ценностям и называли наше духовное состояние «загадочной русской душой», которая, с научной точки зрения представляет собой всего лишь душу взрослого человека в глазах 10-летнего ребенка (таков приблизительный статус психологии инфантильного акселерата, см. выше). По этой причине лучшие образцы неотеничного отечественного кинематографа (советских времен) разительно отличаются от западной кинопродукции, отвечающей сугубо детскому уровню восприятия во всех жанрах (с точки зрения неотеника).

Если мы возьмем, например, такие отечественные неотеничные детские фильмы, как «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (1964, реж. Э. Климов), «Доживем до понедельника» (1968, реж. С. Ростоцкий), «Ключ без права передачи» (1976, реж. Д. Асанова), то с удивлением обнаружим, что несовершеннолетние герои этих кинокартин искренне озабочены проблемами, как найти себя во взрослой жизни, в то время как персонажи взрослых голливудских кинофильмов поголовно ограничиваются темами, как бы «срубить» денег и оттянуться «по полной программе» (мечта всякого школьника-двоечника). Принято считать, что результаты подобного сравнения указывают на «кризисность» массовой западной культуры. С этим трудно согласиться. Во-первых, мнимый «голливудский кинокризис» длится все время существования кинематографа, а потому представляет собой не кризис (по определению, краткосрочное явление), а образ жизни. Во-вторых, непритязательность основной голливудской кинопродукции объясняется отнюдь не интеллектуальной и нравственной деградацией ее создателей, а всего лишь закономерной детскостью их психики, что далеко не одно и то же. К сожалению, наши неотеничные соотечественники чужды пониманию эпох в психологическом развитии человечества (с закономерной сменой зрелых неотеников инфантильными акселератами), а потому они (нынешние неотеники) крайне болезненно и необъективно принимают культурные перемены в российском обществе. Их суть в свете вышесказанного состоит в следующем.

К 1985 г. в нашей стране созрело немало молодых акселератов, которые с энтузиазмом приняли Перестройку и реформы 1985–1999 гг. Их незрелая

психика легко абстрагировалась от экономического упадка этих лет. Зато демократические свободы, разумеется, пришлись по душе, как и всем нормальным членам общества. В соответствии с начавшейся инфантилизацией нашей страны в литературе, искусстве и кинематографе возобладали инфантильные ценности, вылившиеся в примат детективного, силового, «слезливого» и эротического жанров, которые воспринимаются зрителем на уровне древних рефлексов и не нуждаются в осмыслении, что ценится детворой (включая формально совершеннолетнюю). Сюда же относится засилье всевозможных игр, викторин и лото на телеэкранах, поскольку эти жанры хорошо отвечают незрелой психике.

По поводу этих культурных новшеств неотеник с ужасом скажет: «это какой-то позор!» Научный подход не позволяет с этим согласиться. История человечества показывает (см. выше), что именно инфантильные акселераты были «рабочими лошадками» технологического и культурного развития человечества, а застойные неотеники подчас всего лишь пожинали и хранили их плоды. Поэтому не вызывает обоснованных сомнений то ожидание, что современная инфантильная культура придет к выдающимся достижениям, способным составить основу будущего культурного прогресса человечества. За примерами далеко ходить не надо.

Так современная компьютерная культура породила слой инфантильных геймеров (игроков в компьютерные игры) и вообще своего рода «виртуальных наркоманов» (молодежь, не отлипающая от компьютеров). Хорошо это или плохо? Как знать... Компьютерная культура явно идет к уровню, когда всякий пользователь, в принципе, сможет моделировать кинофильмы на персональном компьютере (это очевидно). Далее дело дойдет до электронного моделирования реальности, которое, соединившись с синтезом материальных предметов из суперструн-супермембран (элементарных частиц), позволит формировать вещественную и духовную действительность, отвечающую самым взыскательным запросам людей (это уже из разряда гипотетических прогнозов). Без современных «электронных наркоманов», в сущности, людей, одержимых программированием, дело не пойдет. Так что, по-видимому, флаг им в руки.

Посттравматический синдром

Вышесказанное позволяет нам взглянуть на «потерянные поколения» в новом свете. Молодые ветераны 1-й мировой войны были неоднородны. Солдаты западных армий уже являлись психологически инфантильными людьми, а потому ужасы мировой бойни произвели на них неизгладимое впечатление, именуемое «посттравматическим синдромом» (навязчивыми воспоминаниями драматических боевых действий с ночными кошмарами и

психологической несостыковкой с мирной реальностью). Проще сказать, на Западном фронте молодые солдаты, психологически 10-летние дети, попали в мясорубку ковровых артобстрелов, газовых, огнеметных и танковых атак и совершенно предсказуемо психологически сломались, так как масштаб боевых действий создавал впечатление безвыходности.

Напротив, «загадочные русские души» на Восточном фронте 1-й и 2-й Мировых войн представляли собой неотеников, психологически зрелых людей, обладающих значительной устойчивостью к драматическим ситуациям, а потому не сломавшихся на фронтах, ничуть не менее ужасных, чем на Западе. Подчеркнем, что это простое объяснение вытекает из довольно сложных построений, приведенных выше.

После 1960 г. (начало акселерации в СССР) ситуация для наших соотечественников изменилась. На фронтах афганской (1979–1989 гг.) и двух чеченских (1994–1996, 1999–2000 гг.) войн с нашей стороны сражался инфантильный, акселерированный рядовой состав, который перенес тяготы войны так же, как и западное «потерянное поколение» 1918 г. Наши ветераны названных войн разительно отличаются от фронтовиков Великой Отечественной войны: ветераны-«афганцы» и «чеченцы» истеричны не потому, что не мужественны (это, конечно же, не так), а просто потому, что психологически они – дети, которые непригодны для участия во «взрослой» современной войне. Совершенно неслучайно нынешняя молодежь склонна «косить» (уклоняться) от армии: она, призывная молодежь, инфантильна и далека от взрослых ценностей защиты родины (разумеется имеется в виду не вся молодежь поголовно, а лишь ее несознательная часть). На наш взгляд, патриотическое воспитание среди молодежи следует вести с учетом детской психики аудитории.

Завершая обзор проблемы, сделаем две оговорки. Во-первых, пользуясь представлениями о психологическом облике акселератов, любые психологические затруднения и незадачи современников можно списать на их инфантилизм. Между тем, такой метод неприемлем, поскольку среди неотеников всегда было и есть немало недалеких и наивных людей, чьи качества никак не связаны с акселерацией. О влиянии психологических последствий неотении и акселерации на поведение людей уместно говорить лишь в более-менее массовых, типичных случаях яркого неотеничного или инфантильного поведения – к последнему, несомненно, относится судьба «потерянных поколений».

Во-вторых, можно предположить, что послевоенные «потерянные поколения» современности порождены «ужасами» XX века с его безжалостной, бесчеловечной военной техникой, широко обеспечивающей возможность опосредованного, «не рукопашного» уничтожения противника

(артиллерия, ракетное оружие, бронетанковые силы, не говоря уже о ядерном оружии), что вызывает у солдат естественную психологическую растерянность перед «невидимым врагом». Это предположение не подтверждается фактами. Так наши фронтовики Великой Отечественной войны имели дело с «безличным оружием» врага, однако перенесли его удары без массового психологического слома. Кроме того, аналог «потерянного поколения» известен в древности, свободной от «безличного оружия».

Мы имеем в виду события упоминавшейся Троянской войны. Ее организацией и ведением боевых действий фактически руководил хитроумный царь маленького о. Итака Одиссей (1219–1167 до н. э.). Однако официальным главнокомандующим микенских греков под Троей являлся богатый и могущественный царь Микен Агамемнон, «господин Аххиявы» (ахейцев, микенских греков, по терминологии хеттов) (1220–1184 до н. э., царь с 1200 до н. э.). На десятый год войны, весной 1184 г. до н. э., инфантильное ахейское войско, изнуренное безнадежной осадой, предалось детской панике и попыталось в полном составе дезертировать во главе не с кем-нибудь, а со своим главнокомандующим Агамемноном. Одиссею пришлось устроить выволочку малодушным соратникам и вернуть их на поле брани (Гомер. Илиада, II, 186–211, 278–335 [6, с. 43–44, 45–47]). Затем Одиссей лично произвел разведку в городе, придумал Троянского коня, подавил очередной инфантильный бунт сподвижников в его чреве и обеспечил взятие Трои. Судьбы победителей-ахейцев достойны термина «потерянное поколение». Недалекий Агамемнон, помпезно вернувшийся домой, был тут же убит племянником Эгистом и женой Клитемнестрой, любовницей Эгиста. Менелая унесло в Египет, Одиссея – в Италию, и вообще поколение героев Троянской войны утратило контроль над Грецией, что в конце концов закончилось захватом ее в 1104 г. до н. э. северянами, дикими греками-дорийцами, во главе с Гераклидами (обиженными потомками Геракла). Настали «темные века» блестящей греческой истории.

Список литературы:

1. Аршавский, И. А. (1962) К проблеме продолжительности жизни человека в свете данных сравнительного онтогенеза // Вопросы антропологии. Вып. 12. С. 72–91.
2. Берг, Л. С. (1977) Эмбриональные черты в строении человека // Берг Л. С. Труды по теории эволюции: 1922–1930. Л. : Наука. С. 339–341.
3. Берндт, Р. М., Берндт, К. Х. (1981) Мир первых австралийцев. М. : Наука.

4. Биология человека / Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В. М. (1979) М. : Мир.
5. Гимбутас, М. (2006) Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М. : Росспэн.
6. Гомер. (1967) Илиада. Одиссея. М. : Художественная литература.
7. Зубов, А. А. (1999) Неандертальцы: что известно о них современной науке? // Этнографическое обозрение. № 3. С. 67–83.
8. Зубов, А. А. (2001) Новая интерпретация роли «Гейдельбергского человека» в эволюции рода Номо // Этнографическое обозрение. № 1. С. 91–111.
9. История древнего мира / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. (1989) 3 изд., испр., доп. Кн. 1. Ранняя древность. М. : Наука.
10. Клягин, Н. В. (1996) Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). М. : ИФРАН.
11. Клягин, Н. В. (2007) Современная научная картина мира: Учеб. пособие. М. : Университетская книга, Логос.
12. Клягин, Н. В. (2008) Философия и «проблема Ферма» // Философия и культура. № 1. С. 113–128.
13. Кондукторова, Т. С. (1973) Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М. : Наука.
14. Оно Сю Генетические механизмы прогрессивной эволюции. (1973) М. : Мир.
15. Фоули, Р. (1990) Еще один неповторимый вид: Экологические аспекты эволюции человека. М. : Мир.
16. Хемингуэй, Э. (1993) Фиеста. (И восходит солнце) // Хемингуэй Э. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М. : Нугешиинвест. С. 25–180.
17. Хемингуэй, Э. (1993) Праздник, который всегда с тобой // Хемингуэй Э. Собр. соч. : в 6 тт. Т. 5. М. : Нугешиинвест. С. 133–228.
18. Эделмен, Дж., Маунткасл, В. (1981) Разумный мозг: Кортикальная организация и селекция групп в теории высших функций головного мозга. М. : Мир.
19. Hardy, A. (1960) Was Man more aquatic in the past? // New scientist. Vol. 7. № 174. P. 642–645.
20. Kappelman, J. (1997) They might be giants // Nature. Vol. 387. № 6629. P. 126–127.
21. Martin, B., Harwey, P. H. (1987) Human bodies of evidence // Nature. Vol. 330. № 6150. P. 697–698.

22. Montagu, M. F. A. (1973) The meaning of neonatal and infant immaturity in man // The Origin & Evolution of Man: Readings in physical anthropology. N. Y. : T. Y. Crowell Co, Inc. P. 257–260.
23. Morris, D. (1975) The naked ape. L. : Gorgi books.
24. Ponce de León, M. S., Zollikofer, C. P. E. (2001) Neanderthal cranial ontogeny and its implications for late hominid diversity // Nature. Vol. 412. № 6846. P. 534–538.
25. Rozzi, F. V. R., Bermudez de Castro, J. M. (2004) Surprisingly rapid growth in Neanderthals // Nature. Vol. 428. № 6986. P. 936–939.
26. Rubner, M. (1924) Die Regelung des Stoff- und Energieverbrauchs beim Wachstum der Wirbeltiere // Die Naturwissenschaften. Bd. 12. H. 25. S. 493–495.
27. Rubner, M. (1927) Die Beziehung zwischen Nahrungsaufwand und körperlichen Leistungen des Menschen // Die Naturwissenschaften. Bd. 15. H. 9. S. 203–212.
28. Sloan, R. E. et al. (1986) Gradual Dinosaur Extinction and Simultaneous Ungulate Radiation in the Hell Creek Formation // Science. Vol. 232. № 4750. P. 629–633.
29. Sloan, R. E., Rigby, Jr., J. K. (1986) Cretaceous–Tertiary Dinosaur Extinction // Science. Vol. 234. № 4781. P. 1173–1175.